

© 1999 г. А.В. КРАВЧЕНКО

КЛАССИФИКАЦИЯ ЗНАКОВ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И ЗНАНИЯ

На вопрос "Для чего нужен язык?" любой ответит, что язык прежде всего необходим для общения, т.е. язык есть средство коммуникации. Но само по себе такое определение уже предполагает орудийный характер языка, ибо всякое средство призвано служить достижению некоторой цели. Какой же цели служит язык, в чем его предназначение? Ответ напрашивается сам собой: если коммуникация есть обмен информацией, значит посредством языка и осуществляется такой обмен. Другими словами, язык служит для создания, хранения и передачи информации. Следовательно, изучение особенностей коммуникации во всех ее аспектах невозможно без изучения того, что есть информация, каких видов она бывает, в чем ее смысловая (содержательная) и ценностная (аксиологическая) сущность. Это один аспект проблемы.

Второй аспект проблемы, самым непосредственным образом связанный с первым, заключается в недостаточной изученности содержательной стороны языковых единиц различных уровней. Речь в данном случае идет о коренном вопросе языкознания, а именно об истоках, механизмах и способах формирования языкового значения как определенным образом категоризованной информации.

Дело в том, что значение "живой", т.е. употребленной в акте коммуникации, языковой единицы (слова, словосочетания, предложения) нельзя определить, опираясь на некоторый конечный фиксированный набор элементарных компонентов – так называемых "семантических примитивов" [Wierzbicka 1972]. Хотя для решения определенных частных задач компонентный анализ играет существенную роль, ограниченные возможности такой модели определяются уже тем, что языковая система а priori рассматривается как автономное образование, заключенная в самой себе и самодостаточная, – хотя, как подчеркивал Б. Рассел, "язык предназначен относиться к фактам и облегчить связь с окружающей действительностью" [Рассел 1997: 74]. На протяжении почти всего XX в. значение трактовалось как некоторое содержание, вложенное в определенную форму, как своеобразный посредник между присутствующей вещью (= знаком), которая является носителем значения, и отсутствующим объектом, на который указывает значение [ЛЭС 1990: 166; Никитин 1996].

Особенно ярко такой подход к языку проявился в XX в. с развитием идей американского дескриптивизма и европейского структурализма. Со времен Э. Сепира и Л. Блумфилда надолго утвердилась традиция рассматривать язык как "систему специально производимых символов" [Сепир 1993: 31]. Л. Блумфилд утверждал, что необходимо изучать языковые привычки людей – то, как они говорят, – "не задаваясь вопросом о ментальных процессах, которые, как мы можем предположить, лежат в основе или сопровождают привычки" [Bloomfield 1922: 142]; структурализм, пришедший на смену дескриптивизму, довел этот принцип до логического абсолюта, что сыграло не последнюю роль в утрате им в конечном итоге ведущих позиций в языкознании.

Однако, как справедливо указывает Т. Гивон [Givón 1995: 5], еще в аристотелевой семиотике присутствовало третье важнейшее звено – духовное, без которого любые попытки проникнуть в сущность знака естественного языка неминуемо обречены на неудачу. Игнорирование человеческого фактора в языке привело, в частности, к появлению трех структуралистских доктрин, очень скоро превратившихся в догмы: о различии между языком и речью, о произвольности языкового знака и о недопустимости смешения диахронического и синхронического описания языка. Эти постулаты надолго определили общий концептуальный подход к изучению и описанию языка, который до сих пор удерживает прочные позиции в современном языкознании.

Вместе с тем, в последнее время все чаще высказываются сомнения, а то и прямая критика в адрес сосюрювских максим [Степанов 1997; Живов, Тимберлейк 1997; Трофимова 1997], ибо современный уровень осмысления накопленных языкознанием факторов, опирающийся на достижения комплекса когнитивных наук, дает основания если не для полной, но все же ревизии многих устоявшихся взглядов. К их числу относится и вопрос о немотивированности языкового знака в контексте общей проблемы знакового значения.

В XX в. развитие семиотики проходило под влиянием идей двух выдающихся ученых – американского философа Ч.С. Пирса и швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра. Суть воззрений Пирса на знаки состояла в том, что их природа и характер должны определяться в их непосредственном отношении к пользователю, в роли которого выступает "разум, способный к научению через опыт", при этом он полагал, что семиотика как отрасль логики и философии имеет целью выделение необходимых – в отличие от возможных – характеристик знаков, интерпретируемых существами, способными к научению. Таким образом, предел семиотики, по Пирсу, простирается далеко за область языковых знаков, используемых в человеческом общении.

Это нашло отражение в общем определении знака, в соответствии с которым знак есть нечто, выступающее для кого-то (интерпретатора) в роли представителя чего-то (объекта) в силу некоторой особенности или свойства. Знак есть сущность, характеризующаяся тройственной связью между Репрезентативом, Объектом и Интерпретантом. Знаки бывают трех видов: иконы, индексы и символы. Общая характеристика знака у Пирса распространяется и на традиционные естественные знаки, и на конвенциональные (языковые) знаки, при этом, как отмечает Д. Кларк [Clarke 1987], некоторые пассажи у Пирса позволяют считать, что в рассмотрении знаков тот ориентируется на сентенциональную (языковую) парадигму, что отражается в характеристиках двух из трех его основных категорий знаков – индексов и символов. С одной стороны, индексом является знак, который отсылает к обозначаемому им Объекту в силу того, что он реально зависит от этого Объекта (т.е. речь идет, в первую очередь, о естественных знаках); с другой стороны, "все, что вызывает концентрацию внимания, есть индекс" [Peirce 1960: 161], и это положение иллюстрируется примерами указательных местоимений, т.е. речь идет уже о конвенциональных знаках.

Аналогичное расхождение в подходах наблюдается и в том, как Пирс толкует символ. "Символ есть Репрезентатив, Репрезентативная особенность которого состоит как раз в том, что она есть правило, определяющее Интерпретанту. Все слова, предложения, книги и другие конвенциональные знаки суть символы" [Peirce 1960: 165]. Таким образом, слова (по крайней мере некоторые из них, и в первую голову местоименные) оказываются одновременно и индексами, и символами. Более того, буквально через две страницы читаем следующее: «Символ есть знак, естественным образом приспособленный для объявления того, что группа объектов, обозначенная каким-то набором индексов, связанных с ней тем или иным образом, репрезентирована соотношенным с ней образом (icon). Чтобы показать, что означает это сложное определение, возьмем в качестве примера символа слово "любит" ("loveth"). С этим словом соотносится представление, являющее собой ментальный образ одного

человека, любящего другого. Далее мы должны помнить, что "любит" встречается в предложении – ибо вопрос состоит не в том, что оно [слово – А.К.] может означать само по себе, если оно вообще что-нибудь означает. Возьмем теперь предложение, например, "Иезекииль любит Олдаму" (Ezekiel loveth Huldah). Иезекииль и Олдама должны, в таком случае, быть индексами или содержать их, ибо без индексов невозможно обозначить то, о чем говорится» (Peirce 1960: 167). Иначе говоря, выделив три основных категории знаков, Пирс одновременно признавал, что между ними нет жестких границ, так как индекс может быть символом, символ – индексом, а тот и другой – иконами.

Кажущийся внешне противоречивым, этот тезис в истории развития лингвистики XX века сыграл роль, которую до конца еще не осознали и по достоинству не оценили ни последователи Пирса, ни его критики. Подробнее об этом речь пойдет чуть позже, а сейчас обратимся к соссюрловскому пониманию знака.

В Европе, с легкой руки Соссюра, наука о знаках получила название "семиология" и стала считать своим предметом все средства, используемые в человеческом обществе для целей коммуникации, включая как языковые выражения, так и неязыковые средства, такие, как жесты и сигналы в неязыковых кодах. При таком подходе семиология рассматривается как эмпирическая наука, подразделом которой является лингвистика, имеющая дело с языком как специальным средством человеческого общения. Соссюр исключил из семиологии традиционные естественные знаки и пирсовы индексы, равно как и знаки, используемые для общения низшими организмами. Другое отличие от пирсовой семиотики состояло в том, что если у последнего она была "квазинеобходимой" наукой, изучающей свойства, которыми должны обладать знаки, используемые интерпретаторами, "способными к научению через опыт", то, по Соссюру, семиология замыкается на свойствах, которыми на деле обладают знаки, используемые в коммуникации.

Позднее основные направления соссюрловской программы семиологии (в отечественной лингвистике более употребителен термин "семасиология") в общих чертах были приняты европейскими лингвистами, при этом необходимость исключения естественных знаков признавалась (да и сейчас признается) практически всеми. Так, видный специалист в области лингвистической семантики М.В. Никитин пишет: "Нет достаточных оснований для того, чтобы в естественных связях и зависимостях вещей, явлений и событий усматривать знаковое отношение и приравнивать причины следствий или следствия причин к знакам. В понятие знака следует включить: первичные словесные и вторичные искусственные знаки, из числа знаков следует исключать признаки (симптомы, индексы)" [Никитин 1996: 21]. Этот тезис получил дальнейшее развитие в статье этого же автора под примечательным названием "Предел семиотики", где он критикует тенденцию современной науки о знаках к неоправданному экспансионизму [Никитин 1997]. На это указывает не он один – так, почти совпало по времени появление статьи на ту же тему С.В. Гринева [Гринев 1997]. Действительно, такая тенденция имеет место, и в гораздо более широких масштабах, когда даже самая человеческая культура в целом рассматривается как семиотический объект (см.: Язык... 1996; Степанов 1997). Однако главный пафос упомянутой статьи не в этом: ее автор видит сложившееся положение вещей как результат соблазна, в который семиотику ввел Ч. Пирс со своей теорией, основанной на выделении трех типов знаков – в результате "семиотика исследует в знаках то, что в них незнаково" [Никитин 1997: 4].

М.В. Никитин весьма категорично disproves пирсову теорию как непродуктивную, настаивая на возврате к тем представлениям, которые были намечены Соссюром и которые в общем виде сводятся к тому, что все знаки суть символы, устанавливающие произвольную (немотивированную) связь между означающим и означаемым на основе конвенции. Насколько обосновано и обосновано ли вообще такое утверждение?

Язык является знаковой системой, при этом знаковость как совокупность

определенных свойств материального (форма) и идеального (содержание) характера присуща не только слову как типичному представителю языковых знаков, но и единицам более высокого уровня, или полным языковым знакам, иерархической вершиной которых являются высказывание и текст. Одним из принципиальных положений структурализма является постулат о зависимости значения языковой формы от системы языка как таковой. Внешний мир и то, как люди взаимодействуют с ним, как они его воспринимают и концептуализируют, с точки зрения структурализма, – экстралингвистические факторы, не затрагивающие самой системы языка. Соответственно, знание о мире, которым владеет говорящий, также остается внешним по отношению к системе. Однако разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определенные аспекты концептуальной картины мира, или знание о мире. Это знание является составной частью значения единиц, образующих собственно систему языка – лексику и грамматику [Апресян 1980].

Трудности, с которыми столкнулась общая теория значения во второй половине XX столетия, привели, среди прочего, к необходимости пересмотра традиционных воззрений на сущность и характер языковых категорий – в частности, классическую (логическую) традицию в учении о категориях, идущую от Аристотеля, заметно потеснила теория прототипов. В соответствии с классическим подходом, категории определяются в терминах совокупностей необходимых и достаточных признаков, эти признаки бинарны (по принципу "все или ничего"), соответственно категории имеют четкие границы (сущность либо является членом категории, либо нет). Наоборот, в теории прототипов, становление и развитие которой было стимулировано идеями Л. Витгенштейна и экспериментальными исследованиями Э. Рош, категоризация сущностей связывается с выявлением их характеристик, которые не являются бинарными конструктами, а объединяются по принципу "фамильного сходства". Эти характеристики могут быть функциональными (т.е. они имеют отношение к тому, как используется предмет), либо интеракциональными (т.е. они имеют отношение к тому, как люди манипулируют этим предметом). В общем и целом, эти характеристики имеют отношение не к изначальным свойствам самого предмета, а к той роли, которую он играет в данной культуре, поэтому прототипные категории отличаются гибкостью, не свойственной аристотелевым категориям, и могут пополняться за счет новых, ранее неизвестных данных [Taylor 1989].

В общих чертах категоризация есть процесс членения мира (универсума) на дискретные сущности и группы таких сущностей, что делает возможным свести безграничное разнообразие мира до приемлемых (с точки зрения человека) пропорций. Направления категоризации могут быть различными – в зависимости от того, под какую рубрику опыта подводится явление, объект, процесс и т.п. [КСКТ 1996: 42]. Одним из результатов такой классификационной деятельности является, в частности, выявление в окружающем человека мире значимых и значащих сущностей, изучаемых в рамках общей теории знаков (семиотики), – и в этом смысле знак сам по себе уже есть категория как сущность, вычленяемая из универсума по определенному признаку, а именно по его способности быть носителем информации (иметь содержание).

Особым видом знака является знак языковой – "материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности" [ЛЭС 1990: 166]. В структуральной парадигме языка знаки трактуются как символы, устанавливающие произвольную (немотивированную) связь между означающим и означаемым на основе конвенции; но "означающая" функция языковых знаков возникает не в силу прямого соотношения их с внешним миром, а в силу соотношения с человеческим опытом, образующим основу знания. Различия в опыте ведут к различиям в знании, а через них – к разным картинам мира. Следовательно, изучение языковой картины мира должно отталкиваться от установления типов знания, представленного в языке, источников и способов представления этого знания в языковых формах, т.е. необходимо детальное изучение законов и

механизмов языковой категоризации. Изучение этих механизмов предполагает обращение к процессу познания действительности как основе осознанной деятельности человека. Учитывая все это, проблема значения языкового знака видится в аспекте его способности быть средством фиксации, хранения и передачи знания, а потому семиотика не может обойтись без гносеологии и наоборот.

Как указывал в свое время Дж. Локк, семиотика имеет своей задачей рассмотрение природы знаков, к помощи которых разум обращается для понимания вещей либо для передачи знания другим. Эта формулировка весьма примечательна тем, что в ней подмечены две неразрывные стороны познавательного процесса, который, в общем и целом, и призван обслуживать язык, будучи знаковой системой. Это, во-первых, извлечение человеком знания из окружающего мира ("понимание вещей") и во-вторых, "передача знания" как содержательная суть всякого коммуникативного акта. Однако нельзя передать то, чего не имеешь, а чтобы иметь нечто, надо его сперва приобрести, да еще и сохранить, желательно в более или менее неизменном виде. Таким образом, современное понимание языка как знаковой системы, служащей для извлечения, хранения и передачи информации, не является новым, оно уходит корнями по меньшей мере в эмпиризм позднего Средневековья.

М.В. Никитин обвиняет Ч. Пирса в том, что тот в своих семиотических построениях обходится без отправителя знаков, "ему достаточно было получателя", – тем самым он якобы впадает в грех интенционального понимания знака, в результате чего и возникают "псевдознаки без отправителя – индексальные и иконические". Знак, по Никитину, всегда интенционален и "предполагает отправителя еще в большей мере, чем получателя, так как в его определение непременно должно входить то, что это – конвенциональный транслятор значений от отправителя к получателю. Он – результат специальной конвенции" [Никитин 1997: 4]. Все дальнейшее содержание своей статьи М.В. Никитин посвящает обоснованию и доказательству этого тезиса, уделяя основное внимание разведению между собой двух видов значения – семиотического (знакового) и импликационного (незнакового), хотя, по его же утверждению, сами знаки "несут значение обоих видов". Поскольку источником второго вида значения (импликационного) служит не просто событие, но событие-знак, М.В. Никитин предлагает называть его семиоимпликационным (по источнику). Далее речь идет о знаковом акте, который "всеми своими компонентами, на всех уровнях своей структуры, сам по себе и во взаимодействии со средой своего осуществления служит источником внезнаковых импликаций, т.е. воспринимается не только как знак с его знаковым значением, но анализируется во всей полноте его сторон как целостное явление и тем самым из него извлекается масса разнообразной информации... В конечном счете получатель извлекает некий суммарный итог взаимодействия кодифицированного семиотического и некодифицированного семиоимпликационного значения знаковых актов" [Никитин 1997: 7]. Смысл приведенной цитаты позволяет предположить, что М.В. Никитин несколько неточно интерпретирует то, что Пирс говорил о знаках вообще и об индексальных знаках в частности.

В своих "Элементах логики" терминном "индекс" Пирс обозначил знак, "который отсылает к своему объекту не столько из-за какого-то сходства или аналогии с ним, и не потому, что он ассоциируется с общими свойствами, которыми обладает этот объект, а потому, что он находится в динамической (включая пространственную) связи как с индивидуальным объектом, с одной стороны, так и с чувствами или памятью лица, которому он служит знаком, с другой. Ни один факт действительности не может быть констатирован без использования какого-нибудь знака, служащего индексом" [Peirce 1960: 170]. Нетрудно видеть, что упор в этом определении сделан на феноменологическую природу знака (включая и языковые знаки), т.е. именно на ту его сторону, которая долгое время оставалась за пределами внимания лингвистики.

Изучение проявлений индексальности как свойства знаковых форм на разных языковых уровнях – в рамках общей теории указательности [Кравченко 1992; 1995;

1996] – дает весомые основания предполагать, что индексальность в той или иной степени свойственна любому знаку, т.е. не существует символов в чистом виде, да это и невозможно в принципе на чисто логических основаниях. М.В. Никитин настаивает на необходимости исключить индексальное значение из предмета семиотики, ограничив его исключительно конвенциональным значением. Почему? При чтении статьи возникает ощущение, что понятие знаковой индексальности у ее автора ассоциируется с проявлениями исключительно натурфактов – об этом говорят приводимые примеры типа красного заката как знака ветреной погоды или отражения неба в воде. У Пирса для наглядности в качестве типичного примера индексального знака также приводится естественный знак – дым как указание на огонь, с которым он связан. Однако это вовсе не означает, что под индексом Пирс понимает исключительно естественные знаки.

В этой связи на ум сразу приходят взгляды Блаженного Августина, выделявшего два типа знаков – естественные (*signa naturalia*) и данные, произведенные (*signa data*). Естественные знаки – это знаки, которые, по словам Августина, "без какого-либо намерения или желания означать заставляют осознать нечто, кроющееся за ними, подобно тому, как дым означает огонь". Напротив, произведенные знаки намеренно создаются для целей коммуникации. Эти знаки не обязательно конвенциональны в смысле подчинения некоему правилу, установленному языковым сообществом: так, находясь в чужой стране, мы можем обратиться к человеку, не говорящему на нашем языке, посредством жеста, который будет произведенным знаком, но вряд ли – конвенциональным. В другом месте Августин характеризует произведенные знаки как знаки, данные не в природе, но произвольно установленные и принятые по соглашению. Это уже характеристика так называемых "конвенциональных знаков", и это различие в дальнейшем сыграло существенную роль в развитии учения о знаках (см. [Clarke 1987]).

И тут, возвращаясь к проблеме соотношения конвенционального (знакового) и импликационного (незнакового, по Никитину) значения, настает время спросить, а "откуда есть пошло" это самое конвенциональное значение и почему оно всегда в паре с импликационным? Нет ли здесь "кровного родства" по признаку производящего начала? И что является этим началом? Представляется, что ответ на этот вопрос лежит в той части знакового акта, который у М.В. Никитина остался как бы в стороне, а именно в процессе извлечения знания из мира и его сохранения в знаке.

Что такое знак? В соответствии с философским определением – "чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие), который выступает как представитель другого предмета, свойства или отношения" [КФЭ 1994: 166]. Иначе говоря, знак – это холистическая бытийная сущность, наполняемая содержанием. Это содержание не есть имманентное свойство сущности. Растущее дерево не имеет содержания как холистическая сущность, поэтому оно не является знаковой формой. Нельзя спросить, знаком чего является дерево в лесу – оно просто есть дискретная сущность, выделенная из универсума. Ободранная кора – нарушение целостности дерева как сущности – втягивает дерево в систему отношений с внешними по отношению к нему сущностями. Эти отношения и образуют содержание, усвоение которого человеком в прототипическом случае обусловлено опытом (по принципу "чем больше опыта, тем яснее содержание").

Ободранная кора – знак (симптом), требующий интерпретации; интерпретаций может быть неопределенное количество, при этом знак-симптом не является носителем необходимой информации сам по себе, информативной значимостью его наделяет человек. Уровень информативной насыщенности и информативной определенности знака прямо пропорционален имеющемуся у интерпретатора опыту (ободранная кора как след изюбря, медведя, бобра, топора – и, следовательно, человека – и т.п.). След зверя как сущность лишен интенциональности, но это все равно знак в той мере, в какой он способен выступать в виде формы, имеющей (точнее – приобретающей) определенное содержание (содержание, т.е. наличие некоторой связи

с иной сущностью, со-держжимым). След топора уже может быть интенциональным (т.е. он может быть знаком-сигналом), но его однозначная интерпретация доступна только субъекту интенции. След топора определенной формы и ориентации, оставляемый членами сообщества людей (охотниками, геологами, лесорубами и т.п.). по соглашению – интенционален и конвенционален, но становится ли он символом в привычном понимании этого термина?

Общая интерпретация символа должна быть принципиально возможной независимо от специфического окружения сущности, выступающей в этой роли (т.е. от контекста). Другими словами, его содержание должно оставаться неизменным. Если обыватель видит след топора на дереве в городском саду – это для него всего лишь симптом, признак того, что здесь был (есть) человек с топором, и не более. Если след топора имеет не случайную форму, он может быть воспринят как сигнал неизвестного отправителя неизвестному же получателю с неизвестной целью, т.е. он категоризуется как знак, наполненный неизвестным содержанием, – но именно потому, что интерпретатор располагает опытом, говорящим ему о возможном интенциональном характере сущности, категоризируемой в данном случае как знак (или о наличии интерпретанта, по Пирсу). Как справедливо указывал Б. Рассел, "очень большая часть того, что мы, как нам кажется, воспринимаем, состоит из привычек, причиной которых является ранее приобретенный опыт" [Рассел 1997: 64]. Камень, лежащий у дороги, еще не знак, тогда как камень посреди дороги – уже знак, так как обладает содержанием благодаря имеющемуся в нашем распоряжении опыту. Другой вопрос, в чем заключено это содержание, но что оно есть, не вызывает сомнения.

Примеры подобного рода дают представление о типах знаков, наполняемых определенным содержанием исключительно с учетом непосредственного окружения сущности, выступающей в знаковой функции. Такие знаки, по Пирсу, суть индексы, т.е. их интерпретация невозможна без знания контекста, в котором они встречаются и/или употребляются. Отметим, что одна и та же сущность может выступать и как знак, и как не-знак, особенно если речь идет о натурфактах – здесь все зависит от меры опыта, которым владеет возможный интерпретатор. Однако чем больше вовлеченность той или иной сущности в сферу подручного опыта человека, тем больше у нее шансов выступать в роли знака, т.е. становиться формой, вмещающей некоторое содержание, обусловленное опытом интерпретатора. Опытный человек – это, в первую очередь, человек, способный извлечь массив информации из окружающей ситуации, т.е. это человек, который видит знак там, где неопытный человек его не видит. Следовательно, знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт.

Итак, любая сущность в принципе может выступать в знаковой функции, но при этом ее знаковость ограничена постольку, поскольку сфера проявления знаковой функции в каждом отдельном случае ограничена пространственно-временными параметрами ситуации, в которой эта сущность является интерпретатору. Иначе говоря, сущность может быть носителем информации в конкретном месте в конкретное время для конкретного интерпретатора, но при изменении этих параметров ее способность служить знаком может исчезнуть. Следовательно, для того чтобы можно было не только сохранить информацию по возможности в неизменном виде, но и сделать ее доступной любому интерпретатору в любом месте в любое время, необходимо, чтобы сущность, выступающая в роли знака, вызывала у разных интерпретаторов одни и те же ассоциации независимо от времени и места своего явления. Для этого само бытие такой сущности в идеале не должно находиться в какой-либо зависимости от пространства и времени в том смысле, что между формой и содержанием должно сохраняться постоянное однозначное соответствие.

Таким образом, мы подходим к осознанию того, что знак, если только он призван служить стабильным средством сохранения и передачи информации, с необходимостью должен быть абстрактной сущностью (отсюда, в частности, идет определение языкового знака как материально-идеального образования). Казалось бы, этому

требованию отвечает большинство языковых знаков, подпадающих под определение символа в духе Соссюра, – т.е. как произвольного знака, характеризующегося конвенциональностью значения. Схематически эта условность обычно иллюстрируется известным семантическим треугольником Огдена – Ричардса. При подходе к языку со структуралистских позиций, т.е. как к автономной знаковой системе, такое понимание языкового знака не вызывает особых возражений, но если отказаться от во многом условного разделения языка и речи, возникают некоторые сомнения.

1. Слово – как типичный языковый знак – материально в каждый отдельный момент своего существования (будь то в языке или в речи), оно находится в пространственно-временной связи с множеством других материальных сущностей, образующих его бытийный контекст, или среду, поэтому естественно, что изменение этого контекста ведет к изменению набора и характера связей, в которые оно (слово) вступает. Следовательно, набор ассоциаций, образующих у человека то, что можно назвать "опытом знака", и потому связанных с закрепленной за знаком информацией, может варьировать.

2. Пространственно-временное бытие знака как материальной сущности неизбежно предполагает его изменение (в физическом смысле), т.е. форма знака оказывается не постоянной, раз и навсегда данной, она способна претерпевать значительные изменения (что блестяще доказывает сравнительно-исторический метод в языкознании). Эти изменения, в свою очередь, ведут к изменению характера связей знака с другими сущностями (включая другие знаки), а это не может не сказываться на "опыте знака", от которого отталкивается пользователь, и на информации, образующей содержание знаковой формы.

3. Следовательно, связь между формой знака (означающим) и ее содержанием (означаемым) на каждый данный момент нельзя считать абсолютно произвольной в той мере, в какой нельзя считать произвольным характер закрепляемых за знаком ассоциаций, обусловленных "опытом знака".

4. Собственно ассоциации, о которых идет речь, есть не что иное, как концепты – в прототипе бинарные ментальные структуры, являющиеся оперативными единицами сознания в усвоении и представлении опыта. Таким образом, материальность знака, с одной стороны, и феноменологические корни концептов, репрезентируемых знаком, с другой, не позволяют охарактеризовать знак как чистую абстракцию, а это означает, что символов (в духе Соссюра, Бюлера, Никитина и др.) в чистом виде не существует в принципе. Если это так, то значение любого языкового знака не может быть описано с исчерпывающей полнотой. Истинность подобного утверждения сегодня мало у кого вызывает сомнения. Означает ли это, что проблема языкового значения в принципе неразрешима? Думается, что нет.

В когнитивной парадигме языкового анализа значение знака связывается с его способностью активизировать в сознании интерпретатора концепт (или совокупность концептов), ассоциированный с данным конкретным знаком на тех же основаниях, на которых отправитель принимает решение выбора в пользу одного из потенциально возможных знаков, могущих служить для репрезентации этого же концепта. Процесс адекватного истолкования языкового знака (понимание в обычном смысле слова) есть, по сути, процесс возможно наиболее точного исчисления этих оснований. Чем менее точно определены эти основания, тем больше вероятность расхождения между вложенным и извлеченным знанием (отсюда – проведение различия между "значением" знака и его "смыслом"). Осознание этого отразилось в вводе в лингвистический обиход понятия "значение говорящего", поскольку, говоря словами Р. Лангакера, "не существует двух говорящих, пользующихся одной и той же идентичной языковой системой" [Langacker 1987: 376]. Значение говорящего принято противопоставлять конвенциональному значению как отходящее от некоторых общепринятых в данном языковом сообществе норм и правил интерпретации знаков. Но нормы и правила есть всего лишь отражение некоего совокупного обобщенного опыта, а не предписанные кем-то установления директивного порядка, которые не должны нарушаться. Так,

пиво – это напиток, приготовленный из воды и солода по особой технологии, и если кто-то выливает себе на голову бутылку пива, оно не перестает от этого быть пивом. Другой вопрос, какую цель в подобном случае преследует пользователь (они могут быть самыми разными), но если исходить из того, что этот человек психически здоров, мы скорее всего начнем искать возможное объяснение такому нетрадиционному использованию пива, пытаясь соотнести явление с тем опытом, который имеется в нашем распоряжении.

Аналогичным образом обстоит дело и в случае "девиантного" употребления знака, и если мы обладаем достаточным опытом знака, опытом отправителя этого знака и опытом мира, в котором существуем мы, отправитель и знак, то мы, как правило, в состоянии исчислить (пусть не с абсолютной точностью) основания выбора в данном случае именно этого знака, а не любого другого из возможных (ср. с импликатурами П. Грайса). Этот процесс, в частности, лежит в основе таких характерных для естественного языка явлений, как метонимия и метафора.

Итак, знак – это не только средство передачи знания, как мы уже говорили, но и средство его сохранения, т.е. некоторая форма, наполненная определенным содержанием – но содержанием не в смысле представления о познанной сути явления, представляющего в этой форме, а в смысле преломленного в сознании опыта отношения этого явления к другим вещам или явлениям в существующем мире. Сам по себе красный закат вовсе не обязательно предвещает ветреную погоду – он может быть следствием далекого степного или лесного пожара, необычных аномальных явлений в атмосфере и т.п.; лишь накопленный опыт позволяет человеку (интерпретатору) установить относительно регулярную связь между цветом заката и возможным изменением погоды, и эта связь и становится тем самым "вложенным" содержанием. Таким образом, красный закат становится знаком в том смысле, что он, вследствие усвоенного опыта, является носителем информации, не будучи интенционально произведенным человеком.

Ведь отправитель, интенционально употребляющий знак, не извлекает его из некоего обезличенного хранилища форм, в которые вложены (кем? когда?) так называемые конвенциональные значения. Он прибегает к помощи знака, усвоенного и освоенного им в процессе накопления личного опыта о мире, в той пространственно-временной, географической, исторической, культурной и т.п. среде, частью которой и является самый язык. Разные стороны этого опыта так или иначе накладываются на тот комплекс психических (ментальных) ассоциаций (концепт), который получает общественно значимое закрепление в отдельном конкретном знаке, поэтому у каждого отправителя всякий знак оказывается пропущенным через сознание наблюдателя в его, знака, связи с самыми разными вещами и событиями. Именно эту особенность знака следует связывать с понятием индексальности в духе Пирса – и именно в этой особенности отказывает знаку В.М. Никитин.

Однако все виды импликаций, составляющих (опять же, по Никитину) "некодифицированное" значение, есть не что иное, как та часть знаний, которая "включается" в процесс интерпретации знака указанием на лицо, употребляющее этот знак. Чем меньше у интерпретатора (получателя) знака объем фоновых знаний о среде, в которой осуществляется речемыслительная деятельность отправителя знака, тем меньше объем импликаций, которые этот знак способен вызвать. Так, маленькому ребенку цвет заката ровным счетом ничего не говорит ввиду отсутствия соответствующего опыта, а потому красный закат не является для него знаком в каком-либо приемлемом смысле слова. Но точно так же не является для него знаком и любое произнесенное кем-то слово при условии, что оно является новым или неизвестным. Иначе говоря, то, что по определению является произведенным знаком для определенного сообщества, вовсе не обязательно выступает в этой роли для каждого члена этого сообщества, способного его воспринять. Для человеческого индивида слово становится знаком только после того, как оно входит – в качестве связующего, опосредующего элемента – в систему устойчивых ассоциаций между предметами и

явлениями мира, образующих определенный ментальный конструкт (концепт), который, в конечном счете, и составляет основу того, что принято называть значением знака. Система этих ассоциаций самым непосредственным образом связана с условиями (в широком смысле), в которых происходит усвоение знака, а потому для каждого конкретного индивида набор совместно встречаемых сущностей, образующих импликацию, индивидуален. Так, озвучивание слова *каша* в сознании одного индивида ассоциируется с манной крупой, сваренной на молоке с сахаром, у другого – с гречкой или просом, сваренным на воде с солью и заправленным маслом, у третьего – с чем-то еще, и если эти ассоциации не могут быть извлечены интерпретатором из отправленного ему знака, нельзя говорить о том, что он в полном объеме воспринял значение, вложенное в этот знак отправителем (ср. с аналогичными рассуждениями Б. Рассела [Рассел 1997: 15] на эту тему).

В экстремальном случае объем импликаций может быть равен нулю, т.е. значение знака в этом случае будет чисто конвенциональным (опять же по Никитину, в духе сосюрровской парадигмы) – но сохранит ли при этом знак свою способность выступать в роли репрезентанта знания, в чем, собственно, и состоит его предназначение? Ответ на этот вопрос представляется очевидным.

Подводя краткий итог высказанным (с необходимостью фрагментарным) соображениям о содержательной сущности знаков вообще и языковых знаков в частности – и, в связи с этим, о границах семиотики, определяемых ее предметом, – можно констатировать, что между семиоимпликационным значением по Никитину и индексальным значением по Пирсу нет принципиальной разницы, так как оба, в сущности, говорят об одном и том же. А если это так, то тот предел, который М.В. Никитин "положил" семиотике, предстает всего лишь как стремление втиснуть в прокрустово ложе структурализма то, что из него явно выросло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1980 – Принципы семантического описания единиц языка // Семантика и представление знаний. Тарту, 1980. Вып. 519.
- Гришев С.В. 1997 – К уточнению некоторых основных понятий семиотики // ФН. 1997. № 2.
- Живов В., Тимберлейк А. 1997 – Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии) // ВЯ. 1997. № 3.
- Кравченко А.В. 1992 – Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Действительность. Индексальность. Иркутск, 1992.
- Кравченко А.В. 1995 – Принципы теории указательности. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1995.
- Кравченко А.В. 1996 – Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.
- КФЭ 1994 – Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
- КСКТ 1996 – Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянкова, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Никитин М.В. 1996 – Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
- Никитин М.В. 1997 – Предел семиотики // ВЯ. 1997. № 1.
- Рассел Б. 1997 – Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев, 1997.
- Сенир Э. 1993 – Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Степанов Ю.С. 1997 – Словарь русской культуры. М., 1997.
- Трофимова Е.Б. 1997 – Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Барнаул, 1997.
- Язык... 1996 – Язык в эпоху знаковой культуры (Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф.). Иркутск, 1996.
- Bloomfield L. 1922 – Review of Sapir's *Language* // *The Classical Weekly*. 1922. № 18.
- Clarke D.C. 1987 – *Principles of semiotic*. London; New York, 1987.
- Givón T. 1995 – *Functionalism and grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Langacker R.W. 1987 – *Foundations of cognitive grammar*. V. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
- Peirce C.S. 1960 – *Elements of logic* // *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. V. 2. Cambridge, MA, 1960.
- Taylor J.R. 1989 – *Linguistic categorization: Prototypes in linguistic theory*. Oxford, 1989.
- Wierzbicka A. 1972 – *Semantic primitives*. GmbH, 1972.